

**Конвенция против пыток
и других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство видов
обращения и наказания**

Distr.
RESTRICTED*

CAT/C/37/D/282/2005**
24 January 2007

RUSSIAN
Original: ENGLISH

КОМИТЕТ ПРОТИВ ПЫТОК
Тридцать седьмая сессия
(6-24 ноября 2006 года)

РЕШЕНИЕ

Сообщение № 282/2005

<u>Представлено:</u>	С.П.А. (представлена адвокатом)
<u>Предполагаемая жертва:</u>	заявитель
<u>Государство-участник:</u>	Канада
<u>Дата представления жалобы:</u>	26 сентября 2005 года (первоначальное представление)
<u>Дата принятия настоящего решения:</u>	7 ноября 2006 года

Существо жалобы: депортация при наличии предполагаемой угрозы пыток и жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания

Процедурные вопросы: недоказанность утверждений

Вопросы, которые должны составить содержание решения: угроза пыток в результате депортации; угроза жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания в результате депортации

Статьи Конвенции: 3, 16

[ПРИЛОЖЕНИЕ]

* Публикуется по решению Комитета против пыток.

** Переиздан по техническим причинам.

ПРИЛОЖЕНИЕ

РЕШЕНИЕ КОМИТЕТА ПРОТИВ ПЫТОК В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 22 КОНВЕНЦИИ ПРОТИВ ПЫТОК И ДРУГИХ ЖЕСТОКИХ, БЕСЧЕЛОВЕЧНЫХ ИЛИ УНИЖАЮЩИХ ДОСТОИНСТВО ВИДОВ ОБРАЩЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ

Тридцать седьмая сессия

относительно

Сообщения № 282/2005

Представлено: С.П.А. (представлена адвокатом)

Предполагаемая жертва: заявитель

Государство-участник: Канада

Дата представления жалобы: 26 сентября 2005 года (первоначальное представление)

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 7 ноября 2006 года,

завершив рассмотрение жалобы № 282/2005, представленной от имени С.П.А. в Комитет против пыток в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

приняв во внимание всю информацию, которая была ему предоставлена жалобщицей, ее адвокатом и государством-участником,

принимает следующий проект решения согласно положениям пункта 7 статьи 22 Конвенции против пыток.

1.1 Заявитель жалобы - С.П.А., иранская гражданка, родившаяся 7 мая 1954 года в Тонкабоне (Иран); в настоящее время проживает в Канаде, из которой ее ожидает депортация. Она утверждает, что ее возвращение в Иран представляло бы собой

нарушение Канадой статей 3 и 16 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения. Она представлена адвокатом.

1.2 В соответствии с положениями пункта 3 статьи 22 Конвенции 27 сентября 2005 года Комитет препроводил сообщение государству-участнику и просил его в соответствии с положениями пункта 1 правила 108 правил процедуры Комитета не высылать заявителя в Иран, пока ее жалоба находится на рассмотрении Комитета. Государство-участник впоследствии информировало Комитет о том, что заявитель не была выслана.

Обстоятельства дела в изложении заявителя

2.1 В 1986 году заявитель получила в Иране диплом медсестры и стала старшей медсестрой в больнице "Реджай" и преподавателем в Исламском университете "Азад" в Махал-Салас-Тонкабоне. В ее обязанности, в частности, входила покупка медицинских материалов, включая кости и трупы для преподавательских целей. Примерно в конце 1999 года она обратила внимание на плохое качество поставляемых образцов костей: на них были видны следы переломов, по которым она поняла, что перед смертью эти люди получили травмы. Заявитель сообщила М., поставщику, что она впредь не сможет использовать эти костные материалы, о чем она составила отчет декану своего университета. В следующий раз поставленные костные образцы не вызвали никаких нареканий. Когда заявитель поинтересовалась происхождением последней партии образцов, М. сообщил ей, что в прошлый раз образцы были взяты у "контрреволюционных групп", а в последний раз они были выкопаны на армянском кладбище. Встревоженная этими сведениями, заявитель обратилась к судье исламского права, чтобы обсудить с ним это дело, которое, как она полагала, имеет религиозный характер. Судья сообщил ей, что он займется этим делом.

2.2 В последующие случаи заявитель отмечала, что доставленные трупы имели светлую кожу, и в ответ на ее вопросы ей сообщили, что они были взяты с бахаистского кладбища. Она вновь сообщила об этом судье, который сказал ей, что тела были взяты с бахаистского кладбища по его распоряжению, поскольку их религия ниже ислама. Заявитель вступила с ним в спор и была обвинена в том, что она контрреволюционер. Вечером того же дня заявитель была арестована без предъявления обвинения в своем доме, откуда ее доставили в подвальное помещение, принадлежащее министерству разведки и безопасности, где ее допрашивали, перед этим завязав глаза. Несмотря на ее объяснения, ее обвинили в оскорблении исламской религии, пытали и избивали. Ее содержали в камере и допрашивали каждую ночь, всякий раз с завязанными глазами. Ее били палками и проволокой, пинали ногами, оскорбляли и унижали. Ее пытали

электрошоком и заставляли стоять помногу часов без сна. Особо серьезными у нее были раны на голове, которые кровоточили, а пальцы на ногах у нее были в синяках и в крови.

2.3 Через два месяца из-за продолжавшегося у нее кровотечения однажды ночью после полуночи ее посадили в машину и повезли для оказания медицинской помощи. По дороге водитель остановился и вышел из машины, оставив ту открытой. Заявитель вышла из машины и села на заднее сиденье стоявшего рядом автомобиля. Она сумела назвать водителю свое имя и адрес и просила отвезти ее домой, прежде чем она потеряла сознание. Водитель узнал ее и отвез ее в Рашт, где ей оказали помощь, обработав раны. Заявитель то приходила в сознание, то теряла его. Когда она пришла в себя, ей сказали, что она в надежном месте в Керманшаре. Люди, несколько месяцев ухаживавшие за ней, посоветовали ей уехать из Ирана. Они помогли ей получить паспорт у ее родственников, и при помощи человека, занимавшегося незаконной переправкой людей, она выехала в Дубай, а затем в Колумбию. Она сообщила переправщику, что она не собирается оставаться в Колумбии, после этого выехала в Турцию, затем в Грецию, Испанию, Ямайку, Мексику и, наконец, в Канаду. Прибыв в Канаду 10 сентября 2001 года, она просила предоставить ей статус беженца.

2.4 Впоследствии ее иранские родственники сообщили, что власти разыскивают ее и уже несколько раз были в доме ее сестры с предписанием на арест. Они угрожали ее дочери и хотели поговорить с ее мужем. Ей также сообщили, что шофер, который вез ее из места, где она находилась в заключении, для оказания ей медицинской помощи, был подкуплен и должен был отвести ее обратно ее родственникам. После того как она бежала, ее родственники полтора месяца не знали, где она находится, пока люди из Керманшара не связались с ними. Наконец, жалобнице сказали, что ее родственники заплатили людям из Керманшара за то, чтобы они ухаживали за ней и помогли ей уехать.

2.5 Ходатайство заявителя о предоставлении ей статуса беженца в силу ее политических убеждений было отклонено 2 мая 2003 года. 23 мая 2003 года она подала ходатайство о судебном обжаловании этого решения, в котором 16 сентября 2003 года ей было отказано. 25 марта 2004 года она подала ходатайство о рассмотрении ее дела на основании положений пункта 1 статьи 25 закона об иммиграции и защите беженцев (заявление о рассмотрении дела по гуманитарным мотивам и мотивам сострадания, "ЗГС"), представив новые подтверждения того, что она работала старшей медицинской сестрой и преподавателем в Университете Махал-Салас-Тонекабона. 13 августа 2004 года она также подала заявление об оценке риска до выдворения ("ОРДВ") и впоследствии представила новые доказательства в виде писем ее дочери и сестры, а также судебную повестку, датированную 22 декабря 2003 года, Исламского революционного суда Тегерана, в которой ей предписывалось явиться в суд 6 января 2004 года. ЗГС и заявление об ОРДВ

рассматривались одним и тем же сотрудником, вынесшим по ним отрицательное решение, о чем жалобщица была уведомлена 16 августа 2005 года. 25 августа 2004 года в федеральный суд было подано ходатайство об обжаловании решений, касающихся ОРДВ и ЗГС. 26 сентября 2005 года ее ходатайство о приостановлении высылки было отклонено.

2.6 Заявитель жалобы должна была быть депортирована в Иран 27 сентября 2005 года. Просьба о разрешении подать ходатайство о пересмотре решений о ЗГС и ОРДВ была впоследствии оставлена 1 декабря 2005 года без удовлетворения.

Существо жалобы

3.1 Заявитель утверждает, что в случае ее возвращения в Иран в нарушение статей 3 и 16 Конвенции она будет заключена в тюрьму, подвергнется пыткам или даже будет убита. Это обосновывается тем, что ее считают противником иранского режима, а также тем, что от ее имени было подано заявление о выдаче паспорта, в силу чего иранские власти оказались предупреждены о ее предстоящем возвращении. На ее имя пришла судебная повестка, и, поскольку она не явилась в суд в указанную там дату, на основе объективной информации по этой стране есть все основания предположить, что будет издан ордер о ее аресте. Адвокат ссылается на доклад по этой стране, подготовленный в октябре 2003 года Управлением иммиграции и гражданства министерства внутренних дел Соединенного Королевства, согласно которому система традиционных судов в Иране не является независимой и подвергается вмешательству со стороны государства и духовенства. В докладе указывается, что революционные суды, рассматривающие дела о преступлениях против национальной безопасности и о других тяжких преступлениях, пользуются дурной славой за игнорирование ими международных норм беспристрастности. Члены революционных судов одновременно выступают в качестве прокурора и судьи и подбираются исходя из их идеологической приверженности системе. Обвинительные заключения страдают отсутствием точности и вменяют в вину конкретно не определенные преступления, такие, как "контрреволюционное поведение". Адвокат утверждает, что обвиняемые в "контрреволюционном поведении" после их задержания не имеют шансов на беспристрастное рассмотрение дела: хотя Конституция запрещает произвольный арест и заключение под стражу, сообщается, что закон не устанавливает крайнего срока содержания без связи с внешним миром, равно как и каких-либо судебных средств контроля законности заключения под стражу. Кроме того, заключенные-женщины в период содержания под стражей неоднократно подвергаются изнасилованиям или другим пыткам; имеется также множество сообщений о внесудебных убийствах, пытках и тяжелых условиях содержания в тюрьмах, а также об исчезновениях.

3.2 Адвокат представил врачебное заключение от 22 июня 2005 года, составленное на основе формуляра личной информации заявителя и клинического собеседования и осмотра, произведенного 17 июня 2005 года, в котором констатируется наличие многочисленных шрамов на ее теле. Следы серьезных ранений имеются у нее на лице и волосистой части кожи головы, и эти следы согласуются с механизмом тупой травмы согласно ее описаниям. Указывается, что вдавленный шрам неправильной формы у нее на темени согласуется с ее описанием раны, которая осталась открыта и была зашита лишь позже. Шрамы на руках и ногах в меньшей степени имеют характерную форму, однако согласуются с тупой травмой. Двусторонний онихолиз ногтей пальцев стопы типичен для посттравматического повреждения ногтей и, безусловно, мог быть вызван тем, что ей неоднократно наступали на ноги, как она это описывает. В медицинском заключении указывается, что ее психологическое состояние соответствует хроническому посттравматическому стрессовому расстройству.

3.3 Адвокат утверждает, что сотрудник, рассматривавший заявление об ОРДВ, не оценил этот риск, поскольку им по-видимому было решено, что заявитель не заслуживает доверия, несмотря на это заключение независимого врача о том, что ее раны согласуются с информацией, представленной в ее формуляре личной информации. Кроме того, адвокат подчеркивает, что сотрудником, рассматривавшим заявление об ОРДВ, не выносились определения о том, что ордер на арест заявителя не является подлинным.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и по существу жалобы

4.1 В своих замечаниях от 27 июня 2006 года государство-участник утверждает, имея в виду статью 3, что сообщение неприемлемо, будучи явно необоснованным, поскольку заявитель не представила доказательств сообщаемых ею фактов даже *prima facie*. Ее сообщение основывается на той же версии, которая, согласно решениям судебных органов страны, страдает отсутствием достоверности и правдоподобия. Что касается статьи 16, то заявитель не попыталась обосновать свою жалобу, и поэтому в этой части она также неприемлема как явно необоснованная. Помимо полного отсутствия доказательств по этому пункту, согласно юриспруденции Комитета, возможное ухудшение состояния здоровья заявителя, которое может быть вызвано депортацией, не является равнозначным жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению такого рода, который предусмотрен в статье 16¹.

¹ Государство-участник ссылается на сообщение № 183/2001, *Б.С.Ш. против Канады*, мнения, принятые 12 мая 2004 года, пункт 10.2.

4.2 Что касается сферы действия статьи 3, то государство-участник напоминает, что в ней говорится "о серьезных основаниях" полагать, что лицо окажется в опасности быть подвергнутым пыткам. Основания подачи жалобы должны быть серьезными и должны "выходить за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений", как это подтверждается многочисленными решениями Комитета. Рассмотрение соответствующих факторов ведет к тому выводу, что не имеется серьезных оснований полагать, что заявителю может угрожать применение пыток. В частности, достоверность ее сообщений вызывает большие подозрения, а ее утверждения непоследовательны и недостоверны. Нет никаких убедительных причин считать, что она соответствует описанию человека, представляющего интерес для иранских властей или особо уязвимого в случае возвращения в Иран.

4.3 Что касается вероятности и правдоподобности утверждений и объема рассмотрения жалобы Комитетом, то государство-участник признает, что Комитет не ожидает от жалобщика полной точности. То, что необходимо, - это чтобы подтверждения могли считаться "достаточно обоснованными и внушающими доверие"². Тем не менее важные несоответствия в данном случае "считаются относящимися к делу при рассмотрении Комитетом вопроса вероятности того, что автору может угрожать применение пыток по возвращении"³. В функции Комитета не входит оценка доказательств или повторное изучение фактических обстоятельств, установленных национальными судами, трибуналами или уполномоченными на принятие решений инстанциями⁴. Утверждения заявителя и подтверждающие свидетельства идентичны тем, которые были представлены компетентным и беспристрастным национальным судебным органам и уполномоченным инстанциям и были признаны недостаточными для обоснования вывода о риске в Иране. Анализ свидетельств и выводов, сделанных Советом по иммиграции и делам беженцев, а также сотрудником, рассматривавшим заявление об ОРДВ и оценивавшим риск, которому она может подвергаться по возвращении в Иран, правилен и полностью обоснован.

4.4 Государство-участник напоминает, что Комитет не вправе рассматривать выводы о достоверности, "если только не стало очевидным, что такая оценка была произвольной

² Государство-участник ссылается на сообщение № 34/1995, *Аемеи против Швейцарии*, мнения, принятые 9 мая 1997 года, пункт 9.6.

³ Сообщение № 148/1999, *А.К. против Австралии*, мнения, принятые 5 мая 2004 года, пункт 6.2; а также сообщение № 106/1998, *Н.П. против Австралии*, мнения, принятые 6 мая 1999 года, пункт 6.6.

⁴ Государство-участник ссылается, в частности, на сообщение № 148/1999, *А.К. против Австралии*, мнения приняты 5 мая 2004 года, пункт 6.4.

или равнозначной отказу в отправлении правосудия". Таких утверждений в жалобе не содержится, и представленные материалы не поддерживают того вывода, что решение Совета страдает такими дефектами⁵. Ничто не указывает на то, что власти страны имели какие-либо сомнения в своей оценке, равно как и нет никаких свидетельств того, что рассмотрение дела властями страны чем-либо отличалось от полностью удовлетворительного: заявитель просто-напросто разочарована результатами проведенного в стране разбирательства и перспективами депортации, однако не заявила каких-либо утверждений и не представила каких-либо доказательств того, что процедура страдала какими-либо пороками. Соответственно нет никаких оснований, по которым Комитет мог бы считать, что ему необходимо пересмотреть выводы в отношении обстоятельств дела и достоверности, принятые судебными органами страны. Тем не менее, если Комитет сочтет необходимым оценить достоверность сообщаемого жалобщицей, внимательное изучение некоторых наиболее важных вопросов, безусловно, поддерживает тот вывод, что версия событий в изложении заявителя просто-напросто не заслуживает доверия.

4.5 Что касается ее роли в Университете, то в своем формуляре личной информации жалобщица утверждает, что она отвечала за покупку всех материалов, необходимых для факультета ухода за больными, и что Университет заключил шестилетний договор с поставщиком образцов костных тканей. Однако в ходе устных слушаний она сообщила, что она отвечала за заказ костных образцов и что их стали заказывать в 1998 году, только за год до того, как у нее начались проблемы. Что касается ее ареста и пыток, то в своем формуляре личной информации она указала, что она узнала голос своего двоюродного брата, работающего в министерстве, среди допрашивающих. Однако в своих устных показаниях она сообщила, что ее двоюродный брат был в числе арестовавших ее.

4.6 Что касается сообщения заявителя о ее побеге, то государство-участник согласно с той оценкой СИБ, что оно "невероятно" и "сгущает краски и недостоверно". В любом случае даже признать, что человек, который вез ее в медицинское учреждение, был подкуплен ее родственниками, невероятно, чтобы он дал ей возможность сесть в другую машину, в которой по счастливой случайности ехал человек, узнавший ее, и что этот незнакомец не отвез ее в больницу, хотя она истекала кровью и потеряла сознание. Также трудно представить, что она могла прожить в доме, полном незнакомых людей, и при этом после четырех месяцев жизни с ними не знать, кто они и как их зовут, и все это время не просить связаться с ее семьей.

⁵ Государство-участник, в частности, ссылается на сообщение № 223/2002, *С.У.А. против Швеции*, мнения, принятые 22 ноября 2006 года, пункт 6.5.

4.7 Что касается ее выезда из Ирана, то в формуляре личной информации указывается, что незнакомые люди помогли ей получить паспорт от ее родственников. Однако в своих устных показаниях она утверждала, что она выехала из Ирана по поддельному паспорту. Она утверждает, что ей нужно было разрешение на выезд; невероятно, чтобы она могла получить такое разрешение, если она скрывалась от властей. Государство-участник согласно с теми выводами СИБ, что "практически невозможно выехать из Ирана через тегеранский аэропорт, если человек разыскивается иранскими властями. Также почти невозможно получить поддельный паспорт из-за многочисленных проверок, проводимых до посадки на самолет". В жалобе не содержится каких-либо сведений, которые могли бы заставить усомниться в этом выводе.

4.8 Что касается того, что она обратилась за защитой в качестве беженца не сразу, то до приезда в Канаду и подачи заявления о предоставлении статуса беженца заявитель в течение двух месяцев следовала через Колумбию, Турцию, Грецию, Испанию, Ямайку и Мексику. Этот срок, истекший перед тем, как она обратилась за предоставлением статуса беженца, заставляет усомниться в достоверности сообщаемого ею. В соответствии с внутригосударственной и международной юриспруденцией в области права беженцев задержка в подаче ходатайства о предоставлении статуса беженца считается существенным фактором, учитываемым при оценке того, имеет ли жалобщик субъективный и объективный страх преследования.

4.9 Что касается существования судебной повестки, то, хотя заявление о предоставлении статуса беженца было подано в сентябре 2001 года, заявитель не представила документальных свидетельств, подтверждающих это ее сообщение, до того, как она была заслушана в ноябре 2002 года. Хотя она поддерживала связь по телефону со своими родственниками, она не сообщила СИБ, что издан ордер о ее аресте, и только после того как ее заявление было отклонено, она представила по процедуре ОРДВ "повестку", датированную 22 декабря 2003 года. Трудно поверить, чтобы повестка могла быть направлена через два с лишним года после побега заявителя из-под стражи, о котором она сообщает. Если власти разыскивают ее после ее побега, маловероятно, чтобы ее родственники просто уничтожили другие повестки, как сообщается в их письмах, или даже упомянули о существовании таких повесток в своих разговорах с ней по телефону. Таким образом, государство-участник соглашается с выводами сотрудника, рассматривавшего заявление об ОРДВ, в том, что касается минимальной доказательной силы повесток, о которых сообщает жалобщица. Помимо этого, нет никаких подтверждений или сообщений о том, что кто-либо из членов ее семьи был арестован или подвергся жестокому обращению. Что касается существования ордера на арест, то государство-участник подчеркивает, что, несмотря на утверждения жалобщицы, такого ордера не существует.

4.10 Что касается медицинских подтверждений, то в обоснование своего ходатайства в порядке ОРДВ жалобщица представила врачебное заключение, датированное 22 июня 2005 года. Сотрудник по ОРДВ не счел, что это заключение доказывает будущий риск, поскольку мнение врача основывалось на его изучении формуляра личной информации заявителя и клинического собеседования. Наличие шрамов само по себе не доказывает того, что заявитель была жертвой пыток в прошлом или столкнется с серьезной опасностью пыток в будущем. В свете общей недостоверности сообщаемого заявителем и неправдоподобности центральных аспектов утверждаемого ею, в частности, поскольку это не сопровождается другими независимыми и надежными подтверждениями, названная причина появления шрама неправдоподобна. Что самое важное, шрамы, будучи, возможно, доказательством пыток в прошлом, недостаточны для подтверждения того, что жалобщица будет подвергаться риску пыток в будущем.

4.11 Наконец, хотя государство-участник признает, что общая правозащитная ситуация в Иране неблагоприятна и ухудшается, оно также отмечает, что то, что страна, в которую будет возвращена заявитель, - это Иран, само по себе не представляет собой достаточного основания заключить, что по возвращении она будет находиться в опасности подвергнуться пыткам⁶.

Комментарии жалобщицы по замечаниям государства-участника относительно приемлемости и по существу жалобы

5.1 В комментариях от 6 сентября 2006 года заявитель утверждает, что юрисдикция Комитета включает независимое изучение фактов⁷. Его роль сводилась бы к формальности, если бы ему лишь надлежало следовать решениям национальных судебных органов без какой-либо независимой оценки обстоятельств дела⁸. Кроме того, СИБ, единственной инстанцией, проводшей полное изучения ее дела, не были признаны последствия пыток или травмы для способности человека изложить происшедшее с ним. Что касается достоверности ее сообщения, то заявитель утверждает, что заключение

⁶ Государство-участник, в частности, ссылается на сообщение № 256/2004, *М.З. против Швеции*, мнения, принятые 12 мая 2006 года, пункт 9.6.

⁷ Адвокат ссылается на сообщение № 258/2004, *Дадар против Канады*, мнения, принятые 23 ноября 2005 года, пункт 8.8.

⁸ Там же.

четырех независимых экспертов-медиков и психологов⁹, а также письма Ванкуверской ассоциации людей, перенесших пытки, о ее психологическом состоянии и шрамы на ее теле подтверждают ее рассказ о пытках. Она отмечает, что пытки влияют на способность человека пересказывать травматический опыт логичным и связанным образом и что от жертв пыток редко можно ожидать полной точности, прежде всего от тех из них, кто страдает посттравматическим стрессовым расстройством.

5.2 Что касается того утверждения государства-участника, что дело заявителя было рассмотрено компетентными национальными судебными органами и, во-первых, того, что касается Совета по иммиграции и делам беженцев (СИБ), то жалобщица отмечает, что нет каких бы то ни было упоминаний о том, что сотрудники СИБ имеют подготовку в вопросах травмы или пыток. Также не имеется никаких сведений о специальной подготовке сотрудников СИБ в вопросах изучения или использования медицинских и психологических заключений как инструмента оценки достоверности сообщаемого. Заявитель напоминает, что в ходе слушания сотрудник СИБ, по-видимому, так и не понял, что жалобщица демонстрирует классические симптомы травмы. Сотрудник СИБ, заслушавший ее заявление о предоставлении статуса беженца 28 ноября 2002 года, имел ограниченные познания, если вообще имел их, в том, что касается последствий травмы или пыток. Поэтому внимание этого сотрудника привлекли мелкие несоответствия в показаниях, при том что он не смог должным образом оценить заключение эксперта-психолога, поданное СИБ 10 сентября 2003 года. Поскольку сотрудник СИБ счел, что сообщаемое заявителем не заслуживает доверия, заключение психолога осталось без внимания. Иными словами, государство-участник оценивало достоверность сообщаемого заявителем, не проанализировав последствия депрессии и ПТСР, когда оно оставило без внимания заключение психолога как не относящееся к делу.

⁹ [1) Заключение психологической экспертизы от 31 января 2003 года, в ходе которой было проведено несколько тестов, указывающее, в частности, что у нее исключительно высок травматический балл и что она страдает от крайней депрессии, но при этом, по-видимому, достаточно хорошо адаптирована (представлено СИБ); 2) заключение психолога и психотерапевта от 21 августа 2006 года, в котором указывалось, что ее симптомы соответствуют диагностическим критериям DSM-IV.TB (309.81) для хронического посттравматического стрессового расстройства, что согласуется с ее рассказом, и что в ее нынешнем эмоциональном состоянии имеется большая вероятность того, что, если она будет возвращена в Иран, она покончит с жизнью; 3) заключение психологической экспертизы Клиники по посттравматическим стрессовым расстройствам Ванкуверской центральной больницы от 23 августа 2006 года, в котором содержится то заключение, что она соответствует диагностическим критериям DSM-IV применительно к ПССР и серьезной депрессии; а также 4) врачебное заключение от 22 июня 2005 года. упомянутое в пункте 3.2.]

5.3 Хотя государство-участник утверждает, что после слушания по вопросу о предоставлении статуса беженца заявитель использовала возможность рассмотрения дела несколькими независимыми компетентными судебными органами, она утверждает, что это неверное описание процесса для заявителей просьбы о предоставлении убежища, которым в такой просьбе отказано. Так, судебный пересмотр - это исключительное узкое средство защиты, предоставляемое только по техническим юридическим основаниям, и прежде чем подавать ходатайство о судебном пересмотре, необходимо получить разрешение суда. В 1998-2004 годах федеральный суд отказался предоставить такое разрешение в 89% случаев. Из тех 11% случаев, когда разрешение было предоставлено, федеральный суд отменил только 1,6% отрицательных решений СИБ.

5.4 Что касается ОРДВ, то заявитель отмечает, что по этой процедуре рассматриваются только "новые сведения", а не утверждения о том, что первоначальное решение СИБ было неправильным, и что в 2003 году только 2,6% заявлений в порядке ОРДВ было удовлетворено. Она также напоминает, что представила новые документы, направленные ей ее родственниками, которых не было в ее распоряжении в период слушания в СИБ. Она представила медицинское заключение, в котором были сняты шрамы на ее теле, подтверждение того, что она работала в Университете "Азад" и повестку, направленную Исламским революционным судом Тегерана. В июле 2005 года сотрудница, рассматривавшая ее заявление об ОРДВ, отклонила это заявление на основании отсутствия подтверждающих документов. Она подчеркнула, что юрисдикция этой сотрудницы была ограничена изучением "новых свидетельств", а вновь представленные документы, относящиеся к работе заявителя в университете, она рассмотреть отказалась, поскольку, по ее мнению, эти документы следовало получить *до* слушания о предоставлении статуса беженца и поэтому не могут считаться новым свидетельством. На самом деле эти документы находились на хранении в доме матери заявителя.

5.5 Хотя сотрудница, рассматривавшая заявление об ОРДВ, не оспаривала того, что на голове, волосистой части кожи головы и на теле заявителя имеются обширные шрамы необычной формы, она оставила без внимания медицинское заключение, поскольку мнение врача основывалось на "клиническом собеседовании" с жалобщицей и изучении ее формуляра личной информации. Эти замечания отражают полное отсутствие познаний или понимания в вопросах медицинского освидетельствования. Так, жалобщица утверждает, что важнейшие медицинские и психологические подтверждения никогда не были должным образом приняты во внимание ни на одной стадии процесса рассмотрения заявления о предоставлении статуса беженца. Отказ сотрудницы, рассматривавшей заявление об ОРДВ, принять во внимание медицинское заключение произволен, необоснован и абсолютно неправилен. Что касается судебной повестки, то эта сотрудница сочла, что она имеет "минимальное значение", основываясь на исследованиях об

уголовном процессе в Иране. Это сравнение неправомерно, поскольку в повестке было указано, что она издана Исламским революционным судом, который разбирает дела, касающиеся религии.

5.6 Что касается решения по ЗГС, то заявитель напоминает, что Комитет отмечал ограниченный характер такой процедуры¹⁰ и что в данном деле ЗГС изучалось тем же сотрудником, которая проводила ОРДВ. В своем решении по ЗГС эта сотрудница сослалась на свои выводы по ОРДВ, и многие из пунктов в ОРДВ дословно копируются в ЗГС. Утверждается, что рассмотрение ЗГС не было независимым и страдало теми же пороками, что и ОРДВ.

5.7 Что касается несоответствий в ее показаниях, то заявитель утверждает, что ни одно из них не касается существа сообщавшегося ею, общий смысл которого всегда был последователен. Она напоминает, что Комитет часто признавал, что от жертв пыток редко можно ожидать полной точности¹¹. Он также считает, что медицинский диагноз постравматического стрессового расстройства является относящимся к делу фактором при рассмотрении вопроса о том, уменьшают ли несоответствия достоверность сообщаемого заявителем¹². Наконец, в том, что касается задержки в обращении за защитой, то Конвенция о защите беженцев не требует того, чтобы беженец просил защиты в первом государстве, в котором он спасается бегством.

5.8 Что касается правозащитной ситуации в Иране, то жалобщица отмечает, что ранее Комитет принимал к сведению серьезное положение в области прав человека в Иране, вынося решение, что заявитель не должен принудительно возвращаться в эту страну¹³. Она утверждает, что положение в Иране не улучшилось, и напоминает, что Генеральная Ассамблея недавно выразила свою серьезную обеспокоенность по поводу продолжающихся в нем нарушений прав человека¹⁴. Комитет располагает убедительными

¹⁰ Адвокат ссылается на сообщение № 133/1999 *Энрике Фалькон Риос против Канады*, мнения, принятые 23 ноября 2004 года.

¹¹ Адвокат ссылается на сообщения № 21/1995 *Исмаиль Алан против Швейцарии*, мнения, принятые 8 мая 1996 года, и № 41/1996 *Паулин Музонзо Паку Кисоки против Швеции*, мнения, принятые 8 мая 1996 года.

¹² Адвокат ссылается на сообщение № 43/1996 *Каве Яраг Тала против Швеции*, мнения, принятые 15 ноября 1996 года.

¹³ Там же, пункт 10.4.

¹⁴ Адвокат ссылается на резолюцию 60/171, принятую в марте 2006 года.

доказательствами того, что заявитель подвергалась пыткам иранскими властями, и если в Иране человек подвергался аресту и пыткам, то это важный признак будущего риска¹⁵.

Вопросы и процедура их рассмотрения Комитетом

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Прежде чем рассматривать любое утверждение, содержащееся в сообщении, Комитет должен решить, является ли сообщение приемлемым в соответствии со статьей 22 Конвенции. Комитет удостоверился в том, как того требует от него подпункт а) пункта 5 статьи 22 Конвенции, что этот вопрос не рассматривался и не рассматривается в настоящее время в рамках какой-либо другой процедуры международного расследования или урегулирования.

6.2 Комитет отмечает, что государство-участник заявило возражение по поводу приемлемости, основываясь на том, что заявитель, по его мнению, не доказала своих утверждений даже *prima facie* и что поэтому сообщение явно необоснованно. Что касается утверждений заявителя по статье 16 Конвенции, то Комитет отмечает, что в обоснование этого утверждения не было представлено каких-либо аргументов или свидетельств, и поэтому Комитет заключает, что это утверждение не обосновано для целей приемлемости. Таким образом, эта часть сообщения неприемлема.

6.3 Что же касается утверждений, сделанных в соответствии со статьей 3 Конвенции, то Комитет считает, что аргументы государства-участника затрагивают вопросы существа, которые следует рассмотреть по существу, а не лишь исходя из приемлемости. Поэтому Комитет постановляет считать сообщение приемлемым в том, что касается утверждений, затрагивающих статью 3 Конвенции.

Существо сообщения

7.1 Вопрос, который надлежит рассмотреть Комитету, заключается в том, станет ли принудительное возвращение заявителя в Иран нарушением обязательства государства-участника на основании положений пункта 1 статьи 3 Конвенции не высылать или возвращать (*refouler*) лицо в другое государство, если имеются серьезные основания полагать, что по возвращении в Иран заявителю может угрожать применение пыток. Принимая это решение, Комитет должен принять во внимание все соответствующие

¹⁵ Имеется в виду решение по делу *Тала*, в котором Комитет признал, что "при определении того, будет ли автору по возвращении угрожать опасность применения пыток, следует принимать во внимание тот факт, что он уже подвергался задержанию и пыткам".

соображения в соответствии с пунктом 2 статьи 3 Конвенции, включая наличие постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека. Однако цель такого решения должна заключаться в том, чтобы установить, будет ли самому данному лицу угрожать применение пыток в стране, в которую оно будет выслано. Из этого следует, что существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в стране не является само по себе достаточным основанием определения того, будет ли данному лицу угрожать применение пыток после возвращения: должны иметься дополнительные основания, показывающие, что данному лицу будет лично грозить опасность. Сходным образом отсутствие постоянной практики грубых нарушений прав человека не означает, что нельзя считать, что тому или иному лицу угрожает применение пыток в его конкретных обстоятельствах.

7.2 Комитет напоминает свои замечания общего порядка по статье 3¹⁶, в соответствии с которым Комитету надлежит оценить наличие "серьезных оснований полагать, что автору может угрожать применение пыток" в случае его высылки, и при оценке степени риска применения пыток "должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений". Требовать "высокой степени вероятности" риска нельзя, но необходимо убедиться в том, что такая опасность "угрожает лично автору и является реальной". В этой связи в своих предшествующих решениях Комитет устанавливал, что угроза пыток должна быть "предсказуемой, реальной и личной"¹⁷.

7.3 Оценивая риск пыток в данном случае, Комитет отмечает, что, как утверждает заявитель, она была арестована и содержалась под стражей иранскими властями на протяжении примерно двух месяцев в начале 2001 года и что в этот период ее пытали. Он также отмечает то утверждение заявителя, что имеется предвидимая опасность того, что в случае возвращения ее в Иран она подвергнется пыткам, поскольку она уже подвергалась задержанию и пыткам, государство-участник просило предоставить ей паспорт, а ее неявка в суд по судебным повесткам, как утверждает заявитель, приведет к выдаче ордера на арест.

7.4 Комитет также отмечает то утверждение заявителя, что ОРДВ и ЗГС и последующие процедуры судебного пересмотра демонстрируют дефекты, поскольку сотрудник, занимавшийся обеими процедурами, сочла, что судебные повестки и подтверждения

¹⁶ A/53/44, приложение XI, принято 21 ноября 1997 года.

¹⁷ Сообщение № 203/2002, *A.P. против Нидерландов*, мнения, принятые 21 ноября 2003 года, пункт 7.3.

работы заявителя в качестве медсестры не являются "новыми свидетельствами", которые ей надлежало учесть в ходе ОРДВ. По этому пункту Комитет считает, что процедура судебного пересмотра, будучи ограничена апелляцией по вопросам права, позволила бы рассмотреть наличие любых нарушений при принятии решений в порядке ОРДВ и ЗГС.

7.5 Государство-участник отмечает несоответствия и противоречия в показаниях заявителя, которые, по его мнению, заставляют сомневаться в достоверности ее сообщений. Государство-участник конкретно обращает особое внимание на несоответствия, касающиеся рассказа заявителя о ее роли в университете, ее аресте, пытках и побега из-под стражи, ее выезда из Ирана и задержки в обращении за защитой в качестве беженца и, наконец, судебных повесток и отсутствия доказательств существования ордера на арест. Комитет обращает внимание участников на замечание общего порядка № 1, в соответствии с которым бремя представления доказательств по делу лежит на авторе жалобы. В данном случае Комитет отмечает, что жалобщица представила судебные повестки и документы, которые должны подтверждать ее работу в университете. Комитет считает, что заявитель не представила достаточно подробных сведений или подтверждающих документов для того, чтобы переложить бремя доказывания. В частности, она не представила удовлетворительных подтверждений или сведений, касающихся ее задержания или побега из-под стражи. Кроме того, она не представила достоверных объяснений того, почему она не представила или не могла представить некоторые сведения, которые имели бы отношение для аргументации по ее делу, например сведения о ее пребывании на протяжении более трех месяцев в Керманшахе и имена лиц, которые помогли ее бежать. Наконец, Комитет считает, что она не представила достоверных объяснений ее дальнейшей поездки через семь стран до того, как она, наконец, обратилась о предоставлении статуса беженца в Канаде.

7.6 Комитет отмечает, что аргументы заявителя и представленные в их подтверждение свидетельства были представлены судам государства-участника. Он напоминает, что он не относится к числу апелляционных, квазисудебных или административных органов. В соответствии со своим замечанием общего порядка № 1 по статье 3, хотя Комитет и имеет полномочия на свободную оценку фактов, возникающих в обстоятельствах каждого дела, он должен в значительной степени опираться на решения органов государства-участника по фактической стороне дела. В данном случае Комитет не вправе считать, что в этом отношении государство-участник провело ненадлежащее рассмотрение дела заявителя.

7.7 Наконец, Комитет принимает к сведению озабоченность, выраженную в многочисленных докладах о нарушениях прав человека, включая применение пыток, в Иране, однако напоминает, что по смыслу статьи 3 Конвенции данное лицо должно

сталкиваться с предсказуемым, реальным и личным риском быть подвергнутым пыткам. Исходя из вышесказанного, Комитет считает, что заявитель не обосновала того, что лично она будет сталкиваться с такой реальной и неминуемой угрозой подвергнуться пыткам по возвращении в Иран.

7.8 Комитет против пыток, действующий в соответствии с положениями пункта 7 статьи 22 Конвенции, считает, что заявитель не подтвердила своих утверждений о том, что по возвращении в Иран она будет подвергнута пыткам, и поэтому делает вывод о том, что высылка заявителя в эту страну не станет нарушением статьи 3 Конвенции.

[Принято на английском, испанском, русском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии будет также издано на арабском и китайском языках в качестве части ежегодного доклада Комитета Генеральной Ассамблее.]
